

Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Биографическія данныя о графѣ Николаѣ Павловичѣ Игнатъевѣ, а равно и портретъ его, были помѣщены въ январской книгѣ „Русской Старины“ за 1890 годъ, а ст. „Десятилѣтняя годовщина Санъ-Стефанскаго договора“ напечатана въ февральской книгѣ „Русской Старины“ за 1878 годъ. Въ этихъ статьяхъ вполне выяснены его дивныя дипломатическія таланты, его проникновенный взглядъ на ходъ историческихъ событій, его отличное знаніе людей, его особая находчивость и его рѣшительный и энергичный характеръ.

Все это вмѣстѣ имѣло послѣдствіями блистательныя практическія послѣдствія для Россіи.

Заключеніе Айгунскаго договора и Санъ-Стефанскій договоръ вполне достаточны для того, чтобы заслуги родинѣ этого, одного изъ самыхъ даровитыхъ дипломатовъ Россіи, были почтены сооруженіемъ памятника графу Николаю Павловичу Игнатъеву. И въ настоящее время, въ 36 лѣтнюю годовщину Санъ-Стефанскаго договора, турецкій народъ чтитъ память графа Игнатъева почетнымъ для иностранца названіемъ „бежъ сефиръ“, т. е. „великій посолъ“.

Предполагаемая къ печати, часть записокъ Н. П. Игнатъева обнимаетъ собою время отъ 18 февраля по 20 марта 1877 г., которое онъ провелъ въ командировкѣ съ особымъ дипломатическимъ порученіемъ за границей, при чемъ посѣтилъ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и Вѣну.

Ред.

Съ самаго начала Восточнаго кризиса Россія была связана и стѣснена въ всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Тройственнымъ соглашеніемъ и обмѣномъ мыслей, происшедшимъ въ Рейхштадтѣ ¹⁾: переговоры съ Англіей еще болѣе осложнили впо-

¹⁾ Рейхштадтское соглашеніе, заключенное между Австріей и Россіей при свиданіи императоровъ Александра II и Франца-Иосифа 26 іюня

слѣдствіи ея положеніе, но на Константинопольской конференціи ¹⁾ тучи разсѣялись и въ единодушномъ приговорѣ, произнесенномъ Европою противъ Турціи, мы увидѣли прочный залогъ для будущаго. Съ той минуты какъ Турція сдѣлала ошибку, отклонивъ послѣднія предложенія конференціи, а западные кабинеты не рѣшились настаивать на рѣшеніи, которое было скрѣплено ихъ подписями, Россія, вырвавшись, благодаря конференціи, изъ объятій своихъ двухъ союзницъ, получила возможность зрѣло обсудить создавшееся положеніе и свободно намѣтить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Уяснивъ себѣ создавшееся положеніе, надобно было рѣшить прежде всего: 1) былъ ли это вопросъ европейскій или чисто русскій и 2) какая точка зрѣнія была, въ этомъ отношеніи, для насъ наиболѣе выгодна; затѣмъ надлежало сообразовать наше поведеніе съ тѣмъ или другимъ взглядомъ на вопросъ и не допускать впредь, чтобы насъ связывали по рукамъ и по ногамъ и тащили на буксирѣ союзники, которые не только не хотѣли ничего предпринять, чтобы помочь намъ разрѣшить предстоявшія затрудненія сообразно съ самыми существенными нашими интересами, но не хотѣли даже отрѣшиться отъ своихъ антиславянскихъ предрасудковъ и отъ своихъ вождельнѣй относительно эксплуатаціи Востока; опутывая насъ обязательствами, не совмѣстимыми съ сколько-нибудь практическимъ рѣшеніемъ вопроса, они ставили насъ въ то же время въ безвыходное положеніе.

(8 іюля) 1878 года, устанавливало, что въ случаѣ торжества ислама обѣ державы обязуются принять мѣры къ прекращенію неистовствъ мусульманъ—противъ христіанскаго населенія и настоятъ на введеніи преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ случаѣ побѣды христіанъ, державы не допустятъ образованія крупнаго славянскаго государства; къ Сербіи и Червогоріи могутъ быть присоединены: къ первой нѣкоторые округи урѣки Дринъ въ Босніи, а ко второй Герцеговина, но за то и Австрія должна была получить Турецкую Хорватію и нѣкоторые округи Босніи смежныя съ границей. Россія будетъ имѣть право возвратитъ себѣ часть Бессарабіи, уступленную по Парижскому договору, и если бы пожелала, то ей предоставлялось присоединитъ Батумъ къ ея владѣніямъ. Въ случаѣ же распада всей Оттоманской имперіи въ Европѣ, изъ Болгаріи и Румелии должны образоваться независимыя княжества, Эпиръ и Фессалія присоединятся къ Греціи, а Константинополь сдѣлается вольнымъ городомъ (С. М. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданелы. СПб. 1907). *П. В.*

¹⁾ Константинопольская конференція великихъ державъ была созвана въ декабрѣ нов. стilia 1878 года для мирнаго разрѣшенія возникшихъ затрудненій по поводу возстанія въ Босніи и Герцоговинѣ, безпорядковъ и турец-

По окончаніи конференціи мы свободно могли заключить соглашеніе *ad ovo*, руководствуясь опытомъ 1876 г., доказавшимъ достаточно ясно бесплодность соглашенія, заключеннаго съ Австро-Венгріей, которое не было обставлено никакими формальными обоюдными обязательствами. Вина канцлера состояла въ томъ, что онъ не понялъ этого важнаго историческаго момента, а взглянулъ на вопросъ, какъ это случалось съ нимъ, впрочемъ, нерѣдко, съ узкой личной точки зрѣнія: онъ старался уменьшить значеніе и результатъ Константинопольской конференціи и довольствовался тѣмъ, что руководилъ нашей политикой изо дня въ день, не углубляясь въ сущность дѣла и не принимая никакихъ энергичныхъ рѣшеній. вмѣсто того чтобы дожидаться моего пріѣзда въ Петербургъ и сговориться со мною, въ особенности въ виду того, что мнѣ приходилось быть проѣздомъ въ Вѣнѣ, или же объясниться съ обоими союзными кабинетами прежде, нежели остановиться на опредѣленной программѣ дѣйствій, онъ поспѣшилъ оказать заинтересованнымъ кабинетамъ услугу въ ущербъ намъ, выведя ихъ изъ создавшагося для нихъ труднаго положенія вслѣдствіе одновременнаго отъѣзда представителей всѣхъ державъ изъ Константинополя. Онъ заговорилъ первый, чего отнюдь не слѣдовало дѣлать въ виду того, что конференція была созвана Англійей: онъ разослалъ всѣмъ представителямъ Россіи, аккредитованнымъ при дворахъ, принявшихъ на себя обязанность гарантовъ, циркуляръ, коимъ державамъ предлагался вопросъ: что слѣдовало предпринять далѣе. Этотъ неумѣстный шагъ, который давалъ кабинетамъ возможность оставить вопросъ безъ отвѣта, поставивъ насъ такимъ образомъ въ положеніе просителя, выжидающаго рѣшенія

кихъ звѣрствъ въ Болгаріи и войны Турціи съ Сербіей и Черногоріей. На конференціи этой представителями были: Англійи маркизь Салисбюри и сэръ Генри Эллиотъ, Франціи графъ Бургоэнъ и Шодорди, Австро-Венгрии графъ Зичи и баронъ Каличе, Германіи баронъ Вертеръ, Италиіи графъ Корти, Россіи гр. Н. П. Игнатьевъ. Представителями державъ были выработаны требованія объ уступкѣ нѣкоторыхъ округовъ Черногоріи, предоставленія черногорцамъ свободнаго плаванія по р. Боянѣ; Сербіи возвращались земли, отнятыя турками въ 1876 г. и прилегающія къ Малому Зворнику. Въ Босніи, Герцоговинѣ, Болгаріи и Македоніи вводилась автономія. Всѣ эти требованія державъ были заявлены на общемъ засѣданіи 23 декабря 1876 года турецкимъ уполномоченнымъ, но послѣ 8 засѣданій конференціи эти требованія были отвергнуты турецкимъ правительствомъ, расчитывавшимъ на поддержку Англійи и Австріи. Такой исходъ константинопольской конференціи, неудачѣ которой способствовали англійскіе уполномоченные и лордъ Дерби, повлекъ за собой русско-турецкую войну.

П. В.

своей судьбы посторонними лицами, лишилъ насъ свободы дѣйствій и въ то же время онъ обязывалъ насъ, если мы не хотѣли со всѣми перессориться и потерять всѣ выгоды европейскаго соглашенія, призракъ котораго мы всѣмъ пожертвовали, стоя подь ружьемъ, пока турки окончатъ свои приготовления и заключать миръ съ сербами, пропустивъ такимъ образомъ безо всякаго толка послѣдній благопріятный моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Кабинеты, не потратившись на мобилизацію, не имѣли никакой надобности спѣшить высказаться и вывести насъ изъ выжидательнаго положенія, которое было для насъ разорительно.

Таковы были обстоятельства въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Докладывая канцлеру о томъ, что было сдѣлано мною на конференціи, я напиралъ на то, что я исполнилъ свой долгъ и сдѣлалъ даже болѣе того, что отъ меня требовалось данными мнѣ инструкціями; ибо, вмѣсто того, чтобы выйти изъ состава конференціи, порвавъ съ Европой, предоставивъ болѣе выгодную роль Турціи и принявъ всю вину на себя, какъ хотѣлъ канцлеръ, я не только сохранилъ, но и упрочилъ доброе согласіе со всѣми державами, нашелъ почву для соглашенія съ Англіей и совершенно изолировалъ Турцію, добившись разрыва державъ съ Портой и одновременнаго отъѣзда ихъ представителей изъ Константинополя. Помимо того, что нами былъ достигнутъ этотъ моральный успѣхъ, мы поставили въ затруднительное положеніе всѣхъ замышлявшихъ коалицію противъ Россіи, или предполагавшихъ въ случаѣ войны, поддержать Турцію матеріально, и извлекли изъ всего этого одно неоспоримое преимущество, а именно—намъ удалось выяснить наши истинныя отношенія къ европейскимъ державамъ (съ Австро-Венгріи была наконецъ сорвана маска), и мы имѣли случай произвести въ большомъ масштабѣ пробную мобилизацію,—весьма поучительную для нашей военной администраціи и несомнѣнно весьма полезную для организаціи нашего военнаго дѣла вообще. Мы могли, слѣдовательно, объявить войну или заключить миръ, смотря по тому, что намъ было болѣе подходяще, не поступаясь своимъ достоинствомъ, но въ первомъ случаѣ мы не должны были терять изъ вида, что психологическій моментъ для войны съ Турціей былъ упущенъ. Мы потеряли случай уничтожить ее однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Отнынѣ, чтобы произвести какое-нибудь впечатлѣніе, надобно было перейти Дунай и Балканы по крайней мѣрѣ съ 150 или 200 тысячнымъ войскомъ. Можно было ожидать трудной, продолжительной и дорого стою-

щей войны. Во всякомъ случаѣ, надобно было сдѣлать все возможное, чтобы выяснить положеніе до 25 февраля и принять какое-либо рѣшеніе не позже этого срока, ибо потеря времени была бы невознагражима и могла послужить только намъ во вредъ. По системѣ князя Горчакова ничего не было сдѣлано, чтобы выйти изъ этого труднаго положенія, въ смутной надеждѣ, что Провидѣніе ниспошлетъ какое-нибудь неожиданное обстоятельство, коимъ мы воспользуемся, не давая себѣ труда предпринять что-либо самостоятельно и не принимая за это на себя никакой отвѣтственности.

Наконецъ, въ покояхъ Императора, подъ предсѣдательствомъ Его Величества былъ созванъ Совѣтъ. Помимо обычныхъ членовъ, участвовавшихъ въ то время въ этихъ засѣданіяхъ, Наслѣдника Цесаревича, великихъ князей Константина Николаевича и Владиміра Александровича, князя Горчакова, графа Адлерберга, генерала Милютина и меня, были приглашены министры Тимашевъ, Валуевъ и Рейтернъ.

Различныя мнѣнія были высказаны послѣ того, какъ Императоръ самъ очертилъ съ большой ясностью и опредѣленностью создавшееся положеніе дѣлъ, а князь Горчаковъ прочелъ, въ дополненіе къ этому изложенію, нѣкоторые дипломатическія документы и записку, составленную подъ его руководствомъ барономъ Жомини ¹⁾.

Въ ней доказывалось, что мѣры, предложенныя кабинетами, были недостаточны, что Россіи слѣдовало выйти какъ изъ соглашенія шести державъ, такъ и изъ соглашенія съ двумя союзными имперіями, распустить армію и объявить министерскимъ циркуляромъ Европѣ и императорскимъ манифестомъ Россіи, что послѣ безплодныхъ попытокъ достигнуть соглашенія съ нѣкоторыми державами для улучшенія участи христіанъ

¹⁾ *Жомини* (баронъ Александръ Генриховичъ, 1814—88)—дипломатъ, былъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и, въ качествѣ замѣчательнаго стилиста, просматривалъ предварительно всѣ дипломатическіе документы. По окончаніи крымской кампаніи Ж. ѣздилъ съ особыми порученіями въ Берлинъ, а въ 1861 г. — въ Парижъ; въ 1875 г. управлялъ, вмѣсто государственнаго канцлера, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. состоялъ въ Бухарестѣ при кв. Горчаковѣ; въ 1879 и 1880 г. исправлялъ должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣ Ж. осталось много интересныхъ записокъ, но напечатано изъ нихъ немного. Еще въ 1863 г. Ж., на основаніи матеріаловъ, ему одному доступныхъ, составилъ правдивый очеркъ дипломатической исторіи Восточной войны, пролившій яркій свѣтъ на закулисную ея сторону. П. В.

Россия возвращаетъ себѣ свободу дѣйствій или скорѣе „свободу бездѣйствовать“, какъ я замѣтилъ, ибо такова была система канцлера, воображавшаго, что онъ поступаетъ мудро, осторожно и патриотично, получивъ возможность бездѣйствовать и сидѣть сложа руки, глядя, какъ дѣйствуютъ другіе, даже въ томъ случаѣ, когда они занимали, безо всякой церемоніи, позиціи, искони принадлежавшія Россіи.

Я оспаривалъ это предложеніе, считая его противнымъ достоинству и чести страны и не согласнымъ съ логикой фактовъ; ибо оно сводилось къ тому, чтобы оставить христіанъ на произволъ судьбы, увести нашу армію съ границы, не достигнувъ той цѣли, которую мы себѣ поставили, мобилизуя ее и сосредоточивая ее на нашей границѣ и не давъ притомъ ни малѣйшаго удовлетворенія арміи, дорожащей своею честью, и національному самолюбію.

Князь Горчаковъ, по винѣ котораго мы запутались въ сѣтяхъ тройственнаго согласія и поздиѣ въ переговорахъ съ шестью державами, предлагалъ вернуться къ положенію, которое мы занимали на Востокѣ два года передъ тѣмъ и которое я безуспѣшно пытался сохранять вопреки самому министру иностранныхъ дѣлъ, всегда считая это положеніе лучшей гарантіей для нашихъ интересовъ и для европейскаго мира. Напомнивъ, что я горько сожалѣлъ о томъ, что мы вступили въ 1875 году на иной путь, отказавшись ради прекрасныхъ глазъ нашихъ мнимыхъ союзниковъ отъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ, я указалъ, что занятое нами положеніе было особенно для насъ благопріятно въ то время, какъ на престолѣ возсѣдалъ султанъ Абдулъ-Азисъ, а министромъ его былъ Махмудъ-Недимъ¹⁾, такъ какъ оба они предлагали намъ заключить соглашеніе по всѣмъ пунктамъ и выражали даже готовность подчиниться безусловно волѣ императора. На Турцію можно было имѣть благотворное вліяніе въ то время, когда она была въ рукахъ твердаго, энергичнаго и внушавшаго страхъ правительства, но канцлеръ упустилъ изъ вида, что положеніе дѣлъ въ Стамбулѣ съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилось.

¹⁾ Махмудъ-Недимъ паша турецкій министръ, былъ великимъ визиремъ съ 1871 года, пріобрѣвъ милость султана Абдулъ-Азиса, поддерживая его стремленія измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ пользу его сына Юсуфа. Онъ подпалъ вліянію автора настоящихъ записокъ. Въ 1875 году онъ приостановилъ платежи процентовъ по турецкимъ государственнымъ долгамъ. Возстаніемъ софтовъ въ 1876 году былъ низвергнутъ.

Мидхатъ-паша¹⁾ и „мусульманская коммуна“, захватившіе дѣла въ свои руки, не представляли не малѣйшей гарантіи благоразумія, осторожности и умѣренности, и трудно было предсказать, какой оборотъ примутъ событія, ежели ихъ партія возьметъ верхъ. Россія, потерявъ 18 мѣсяцевъ въ безплодныхъ переговорахъ, оказавшись въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась въ то время, добившись на конференціи изолированія Турціи и ея осужденія, не могла помѣниться съ ней, безо всякаго повода, ролями и добровольно занять сама изолированное положеніе, предоставивъ свободу дѣйствій Англіи и заставивъ Турцію, своимъ непослѣдовательнымъ поведеніемъ, броситься безповоротно въ объятія этой державы. Мы дали бы этимъ нашимъ противникамъ возможность толкнуть турокъ въ войну съ нами, въ то время какъ ихъ фанатизмъ и возбужденіе дошли до крайнихъ предѣловъ; а это значило бы предоставить нашихъ единовѣрцевъ во власть нападающихъ и способствовать новой группировкѣ державъ, которая могла быть для насъ чрезвычайно вредна.

Я только ставилъ рядъ вопросовъ, умоляя Императора обсудить ихъ въ Совѣтѣ до измѣненія окончательнаго рѣшенія.

Его Величество, выслушавъ мнѣнія, высказанныя по поводу поднятыхъ вопросовъ, закрылъ засѣданіе, повелѣвъ членамъ Совѣта тщательно обдумать ихъ и собраться на другой день для окончательнаго рѣшенія. вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество разрѣшилъ присутствовавшимъ на засѣданіи сановникамъ изложить свое мнѣніе, если они пожелаютъ, письменно, чтобы точнѣе выяснить свои мысли и прочитатъ изложенныя ими на совѣтѣ. *Одинъ* я отозвался на этотъ призывъ и принесъ на засѣданіе Совѣта 12 февраля свою записку. Замѣчательно, что

¹⁾ Мидхатъ-паша — представитель политической партіи, известной подъ названіемъ „Молодой Турціи“, возникшей въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и стремившейся возродить Турцію къ новой жизни. Ревностный сторонникъ Англіи и врагъ Россіи и славянъ, М., принявъ въ началѣ 1876 г. руководство партіей, сталъ стремиться къ ограниченію власти султана и введенію въ Турцію конституціи по европейскимъ образцамъ. Благодаря поддержкѣ Англіи, онъ былъ назначенъ, въ маѣ того же года, министромъ безъ портфеля. Въ сверженіи Абдуль-Азиса съ престола и въ провозглашеніи султаномъ Мурада V М. игралъ одну изъ первыхъ ролей. Занявъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта, онъ представилъ проектъ конституціи, которая была торжественно объявлена 11 декабря уже новымъ султаномъ Абдуль-Гамидомъ, а парламентъ былъ открытъ 7 марта 1877 г. Этотъ парламентъ имѣлъ всего только двѣ сессіи, послѣ чего онъ болѣе не созывался. П. В.

вопреки слухамъ, которые распускались въ обществѣ нѣкоторыми членами Совѣта, не сочувствовавшими войнѣ, съ цѣлью объяснить этимъ свое безмолвіе въ рѣшительный моментъ, я настаивалъ на томъ, что такъ какъ война есть „народное бѣдствіе“, то надобно сдѣлать все возможное, чтобы выйти съ честью изъ занятаго нами выжидательнаго, дорого стоящаго и невыгоднаго положенія и избѣжать необходимости вести войну, тѣмъ болѣе, что по моему глубокому убѣжденію. *благопріятный моментъ* для этого былъ пропущенъ и мы, говоря попросту, „оплошали“. „Если бы войско было мобилизовано лѣтомъ въ то время, когда звѣрства, чинимыя въ Болгаріи, взволновали общественное мнѣніе и вызвали негодование сильной партіи въ Англіи, вступленіе нашихъ войскъ въ Турцію было бы объяснено порывомъ великодушія и человѣколюбія и вызвало бы восторженное одобреніе не только въ Россіи, но и въ извѣстной части Европы. Назрѣвшіе на Востокъ вопросы могли быть, такимъ образомъ, разрѣшены въ благопріятномъ смыслѣ и Императоръ имѣлъ бы въ данномъ случаѣ возможность дать блистательное доказательство нашего совершеннаго безкорыстія. Лѣтомъ, въ сентябрѣ, въ октябрѣ и даже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, война могла окончиться быстро и легко; въ Болгаріи и Анатолиі почти не было турецкихъ войскъ; наши кавказскія войска не встрѣтили бы сильнаго сопротивленія въ открытомъ полѣ. Въ Сербіи и Черногоріи боевые запасы были истощены и турецкой арміи только теперь удалось пополнить ихъ закупками и заказами, произведенными въ Америкѣ и въ Германіи. Въ настоящее время, писалъ я, война съ Турціей будетъ совсѣмъ не то, что лѣтомъ и осенью прошлаго года. Она потребуетъ съ нашей стороны *большаго напряженія силъ* и можетъ затянуться на неопредѣленное время. если намъ не удастся съ самаго начала одержать блестящія и рѣшительныя побѣды. Двѣ, три побѣды, одержанныя за Балканами, подѣйствовали бы, конечно, угнетающе на турецкія войска и могли бы имѣть послѣдствіемъ неожиданныя перемѣны въ Стамбулѣ, которыя быть можетъ заставятъ султана немедленно просить о заключеніи мира. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что общественное настроеніе измѣнилось съ начала кризиса какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, и что нынѣ *турки несравненно лучше подготовлены къ войнѣ, нежели нѣсколько времени тому назадъ*. Война будетъ трудная, серьезная и будетъ преслѣдовать совершенно яныя цѣли, чѣмъ прежде.

„Если намъ придется начать войну, предъявивъ ультиматумъ, основанный на программѣ, выработанной конференціей, безъ всякихъ въ ней измѣненій (требованія, сформулированныя на первомъ общемъ собраніи конференціи), то война поневолѣ закончится полнымъ разгромомъ оттоманской имперіи или по крайней мѣрѣ потерей ею значительной части ея владѣній. Было бы рациональнѣе съ финансовой и съ экономической точки зрѣнія покончить съ Восточнымъ вопросомъ сразу, нежели переживать періодически тяжелые и волнующіе кризисы подобныя настоящему, или терпѣть, чтобы мусульманская анархія у нашихъ границъ никогда не прекращалась. Разстройство оттоманской администраціи такъ велико, что нельзя рассчитывать на организацію прочнаго и сильнаго правительства, если только фактическая власть на берегахъ Босфора не попадетъ въ руки человѣка съ желѣзной волей и сильнымъ характеромъ, который рискнулъ бы вступить въ борьбу съ фанатизмомъ и обуздать дурныя инстинкты. Первый пушечный выстрѣлъ, который раздастся на берегахъ Дуная съ нашей стороны, возбудитъ алчныя вождѣнія на наслѣдіе Турціи, которое будетъ считаться открытымъ и разбудитъ дремлющія, невѣдомыя силы Востока, которыя не позволятъ намъ остановиться на полпути, строго придерживаясь опредѣленной, ясно сформулированной программы“.

Эти правдивыя слова не понравились въ высшихъ сферахъ и главнымъ образомъ канцлеру. Забвеніе истины дошло до того, что стали утверждать, будто я „съ легкимъ сердцемъ“ совѣтывалъ начать войну и что мудрый канцлеръ сначала протестовалъ противъ этого, но затѣмъ покорился. Въ сущности же на этомъ второмъ засѣданіи (12 февраля) было постановлено слѣдующее:

1) Будучи связаны циркуляромъ канцлера и обязаны выждать, пока выяснится оборотъ, какой примутъ переговоры, которые велись непосредственно между Турціей и Черногоріей, мы должны, тѣмъ не менѣе, выйти изъ выжидательнаго положенія, чтобы дать понять кабинетамъ, что мы ожидаемъ отъ нихъ отвѣта, благопріятнаго для поддержанія столь благополучно установившагося европейскаго согласія; мы должны приложить стараніе, чтобы ускорить полученіе этихъ отвѣтовъ и дружески подсказать кабинетамъ тотъ образъ дѣйствій, который фактически былъ бы для насъ приемлемъ. Такъ какъ возобновленіе переписки не могло привести къ удовлетворитель-

ному результату до тѣхъ поръ, пока мы были связаны министерскимъ циркуляромъ, оставшимся безъ отвѣта, то слѣдовало послать къ иностраннымъ дворамъ довѣренное лицо, которое въ короткое время объѣхало бы эти дворы, повидалось бы и переговорило съ государственными людьми, руководящими внѣшней политикой европейскихъ державъ, и склонило бы ихъ принять протоколъ, коимъ были бы закрѣплены постановленія конференціи. Это дало бы намъ возможность выйти безъ ущерба для Россіи изъ создавшагося непріятнаго положенія, покончивъ съ дипломатическими переговорами, затянувшимися безконечно.

2) Тѣмъ временемъ слѣдовало, пользуясь случаемъ, дать понять Портѣ, что для скорѣйшаго миролюбиваго окончанія дѣла ей слѣдовало послать въ Петербургъ чрезвычайнаго посла. Предположенное министерствомъ иностранныхъ дѣлъ заключеніе особой конвенціи для обсужденія вопросовъ объ окончательномъ раздѣлѣ Турціи, на началахъ, выработанныхъ во время свиданія въ Рейхштадтѣ, которая находилась въ полномъ противорѣчій съ положеніемъ, занятымъ нами въ Константинополѣ передъ лицомъ Европы, должно было быть отложено, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, до тѣхъ поръ, пока положеніе дѣлъ не выяснится окончательно¹⁾.

3) Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта со стороны кабинетовъ, могъ бы быть подписанъ протоколъ, опредѣляющій формальныя обязательства Порты и ея отвѣтственность, а равно право контроля и надзора со стороны Европы; тогда наша армія могла бы быть отодвинута отъ границы и частью демобилизована; это слѣдовало объявить царскимъ манифестомъ съ упоминаніемъ, что Европа признала себя солидарной съ нами, и слѣдовательно вопросъ перестаетъ быть исключительно *русскимъ*.

Уходу арміи съ границы долженъ былъ во всякомъ случаѣ предшествовать роспускъ редифовъ и отозваніе части турецкихъ войскъ изъ пограничныхъ провинцій. Для вящей осторожности и для того, чтобы удержать турецкія власти отъ излишествъ, императорское правительство должно будетъ оставить нѣкоторое время обсервационное войско въ Бессарабіи и въ Александрополѣ (на Кавказѣ).

¹⁾ Я никогда не одобрялъ мысли объ этой конвенціи, потому князь Горчаковъ тщательно скрывалъ отъ меня ея текстъ. Событія 1878 г. доказали, до какой степени она была ненужна, опасна, противна нашимъ интересамъ, плохо изложена и плохо редактирована. *Авт.*

4) Въ случаѣ, если переговоры съ кабинетами не увѣнчаются успѣхомъ и если державы откажутся поддержать постановленія конференціи совмѣстнымъ выступленіемъ въ Турціи, императорскій кабинетъ долженъ будетъ немедленно, категорически объясниться по этому поводу съ берлинскимъ правительствомъ и условиться какъ съ Германіей, такъ и съ Австро-Венгріей, съ цѣлью приступить къ энергичнымъ дѣйствіямъ въ Турціи.

5) Только въ случаѣ полной неудачи всѣхъ дипломатическихъ шаговъ, имѣющихъ цѣлью практическое разрѣшеніе кризиса до конца марта, въ первыхъ числахъ апрѣля Портѣ, съ согласія обѣихъ союзницъ, Германіи и Австро-Венгрии, могъ быть предъявленъ ультиматумъ, при чемъ предварительно должны быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы наши войска могли немедленно перейти границу въ случаѣ, если бы это послѣднее требованіе державъ было отвергнуто султаномъ. Если же этотъ шагъ увѣнчался бы въ Константинополѣ успѣхомъ, то наша армія въ концѣ апрѣля могла бы быть демобилизована. Въ распоряженіи нашей дипломатіи было бы, слѣдовательно, шесть недѣль для того, чтобы дѣятельно, усердно и искусно заняться мирнымъ разрѣшеніемъ кризиса, или подготовить политическую почву для благополучнаго исхода военныхъ дѣйствій, ежели бы они оказались неизбежны.

Программа была ясна и логична, но для обезпеченія ея успѣха нужно было, чтобы всѣ шли рука объ руку, работая совмѣстно *viribus unitis* надъ исполненіемъ повелѣній Императора; между тѣмъ князь Горчаковъ объ этомъ и не помышлялъ. Провозглашая во всеуслышаніе, что онъ намѣренъ прежде всего поддержать достоинство Россіи, но что онъ не желаетъ войны, онъ и пальцемъ не шевельнулъ и не сдѣлалъ никакихъ серьезныхъ шаговъ, чтобы воздѣйствовать на кабинеты, на ихъ представителей въ Петербургѣ и на общественное мнѣніе, и хотя бы помочь мнѣ, которому было поручено объѣхать дворы, принявшіе на себя обязанность гарантовъ, и предъявить имъ текстъ протокола, выработаннаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Мы увидимъ далѣе, что русскіе посланники, зная лично настроеніе князя Горчакова и будучи обижены пріѣздомъ спеціальнаго посла, не сдѣлали почти ничего, чтобы обезпечить подписаніе протокола, который они ошибочно считали моимъ личнымъ дѣломъ. Графъ Шуваловъ пошелъ далѣе: онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помѣшать моей поѣздкѣ въ Англію. Отнюдь

не скрывая своей досады и своего соперничества, онъ старался съ этого момента явиться въ глазахъ европейской публики ходатаемъ и глашатаемъ мира по преимуществу, объясняя этимъ свой антагонизмъ ко мнѣ и приписывая мнѣ роль „апостола войны и панславизма“; наконецъ онъ вошелъ въ виды англійскаго кабинета, пожелавшаго исказить протоколъ до того, что онъ сталъ неузнаваемъ и даже смѣшонъ, съ цѣлью взять этимъ путемъ обратно все то, на что маркизъ Салесбюри былъ вынужденъ согласиться въ Константинополѣ отъ имени Англии.

Я пріѣхалъ въ Берлинъ 21 февраля (3 марта) и поспѣшилъ познакомиться Убри ¹⁾, нашего посла въ Германіи, съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и съ текстомъ протокола, который мнѣ дали въ Петербургѣ вмѣсто инструкціи, внеся въ него кое-какія поправки, чтобы сдѣлать обязательства Порты болѣе ясными.

Нетерпѣніе князя Бисмарка и его желаніе увидѣть меня какъ можно скорѣе были такъ велики, что онъ чуть не сейчасъ же явился къ Убри, чтобы освѣдомиться о цѣли моей миссіи, о которой онъ былъ коротко извѣщенъ изъ Петербурга. Въ тотъ же день онъ принялъ меня съ глазу на глазъ, а затѣмъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ въ отель и пригласилъ меня и мою жену, пріѣхавшую со мною, отобѣдать у него запросто.

Германскій канцлеръ утверждалъ, что Германія вовсе не заинтересована въ Восточномъ вопросѣ и никогда не стала бы сѣять въ Турціи смуту.

Я изобразилъ ему съ полной откровенностью положеніе дѣлъ и намѣренія императорскаго кабинета, подчеркнувъ, что тройственное согласіе, вполнѣ отвѣчающее взглядамъ Императора, создало Россіи трудное и не особенно выгодное положеніе, на

¹⁾ Убри (Павелъ Петровичъ, графъ),—дипломатъ, род. 1820 г., въ 1848 г. былъ сдѣланъ секретаремъ посольства, затѣмъ первымъ совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ и былъ правой рукой князя Горчакова передъ началомъ крымской войны во время безплодныхъ переговоровъ вѣнской конференціи 1853 г. Переведенный въ 1856 г. первымъ совѣтникомъ посольства въ Парижъ, Убри сдружился здѣсь съ Бисмаркомъ и, какъ другъ Германіи, усердно поддерживалъ дружбу между дворами берлинскимъ и петербургскимъ, когда въ 1863 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ; въ томъ же званіи онъ былъ аккредитованъ съ 1868 г. при сѣверо-германскомъ союзѣ, а съ 30 декабря 1871 г. посломъ при Германской имперіи. Какъ довѣренное лицо Горчакова Убри сталъ неудобенъ для Бисмарка вслѣдствіе чего былъ отозванъ изъ Берлина въ 1879 г.

Востокъ, замѣтивъ, что нельзя отрицать того страннаго факта, что „полнѣйшее согласіе трехъ наиболѣе могущественныхъ державъ Европы дало на Востокъ одни отрицательные результаты, ибо въ тотъ моментъ, когда мы стали хозяевами положенія въ Константинополѣ, обязательство дѣйствовать совмѣстно парализовало нашу дѣятельность въ Турціи и помѣшало намъ достигнуть тѣхъ удовлетворительныхъ результатовъ для блага нашихъ единовѣрцевъ, какихъ мы могли бы достигнуть при единоборствѣ съ Портой. Опытъ показалъ, что Турція не понимаетъ иного воздѣйствія, кромѣ матеріальной силы: повѣсившись недавно передъ голосомъ одной Россіи (сербскій ультиматумъ), она противится теперь требованіямъ всей Европы, рассчитывая, что разногласіе въ мнѣніяхъ помѣшаетъ державамъ прибѣгнуть къ силѣ и обезпечить ей безнаказанность. Соглашеніе шести державъ осталось такимъ же бесплоднымъ, какъ и тройственное согласіе; конференція увѣнчается не большимъ успѣхомъ, какъ и нота Андраши, если ея рѣшенія не будутъ поддержаны силой — единственнымъ рѣшающимъ аргументомъ въ глазахъ турокъ. Конференція имѣла по крайней мѣрѣ одно преимущество: она привела къ соглашенію державъ на такой почвѣ, на которой его считали невозможнымъ; она выяснила правительствамъ и общественному мнѣнію истинное положеніе Оттоманской имперіи, положеніе невыносимое, которое кабинеты не могутъ долѣе игнорировать, каково бы ни было ихъ равнодушіе къ участи христіанъ. Но для того, чтобы придти къ логическому заключенію, державамъ слѣдовало *настоять* на томъ, что онѣ *советовали*, ибо онѣ не могутъ отказаться отъ того, что было сказано ими на конференціи“.

Достойно вниманія, что я былъ вынужденъ въ то время пустить въ ходъ всю силу своихъ убѣжденій, чтобы склонить будущаго предсѣдателя Берлинскаго конгресса къ менѣе равнодушной оцѣнкѣ восточныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, канцлеръ присоединился по существу ко всему мною сказанному, заявивъ, что „онъ всегда былъ того мнѣнія, что для обезпеченія успѣха конференціи, уполномоченнымъ слѣдовало имѣть въ карманѣ настоящіе ультиматумы“. Онъ увѣрялъ меня, что „онъ считаетъ дипломатическое воздѣйствіе на Турцію совершенно неэффективнымъ и, что какъ императоръ Вильгельмъ, такъ и онъ самъ, услыхавъ, что турки, не взирая на снисходительность державъ и на уменьшенія ихъ требованій до минимума, осмѣлились противиться требованіямъ Европы, были возмущены до глубины души и невольно сдѣ-

дали угрожающій жестъ, схватившись за эфесъ шпаги“. Князь Бисмаркъ ясно далъ мнѣ понять, что онъ не одобряетъ нашей умѣренности, и тѣхъ уступокъ, чисто формальнаго свойства, которыя были сдѣланы мною, чтобы обезпечить единодушіе уполномоченныхъ и изолировать турокъ. Такъ объясняется недоразумѣніе, происшедшее между канцлеромъ и барономъ Вертеромъ по поводу сокращеннаго перечня требованій конференціи, которое Салисбюри ¹⁾ сообщилъ туркамъ, какъ нашу послѣднюю уступку, отголоски этого недоразумѣнія дошли до Константинополя и повліяли на нѣмецкаго уполномоченнаго, который казался крайне смущеннымъ. Князь Бисмаркъ успокоился на этотъ счетъ только тогда, когда мнѣ удалось доказать ему, на основаніи выдержекъ изъ обоихъ текстовъ протокола, что послѣдняя программа конференціи заключала по существу всѣ первоначальныя требованія и что измѣненія въ нихъ были сдѣланы исключительно изъ уваженія къ ограничительнымъ инструкціямъ уполномоченныхъ Англій и Австро-Венгріи, которые хотѣли во что бы то ни стало исключить изъ нашего ультиматума всѣ спорные пункты. Наша первоначальная программа была бы осуществлена въ цѣломъ, если бы по принятіи турками *основныхъ положеній*, на которыхъ мы настаивали, намъ удалось окончательно редактировать постановленія конференціи. Канцлеръ согласился съ тѣмъ, что Европа была связана своей подписью и что нужно было найти приличный выходъ изъ положенія, которое такъ плохо вязалось съ ея достоинствомъ. Въ противномъ случаѣ, Европа осталась бы подъ впечатлѣніемъ, что Порта отвергла предложенія, сдѣланныя ей съ цѣлью обезпеченія мира и улучшенія судьбы христіанъ.

А положеніе ихъ, судя по нѣмецкимъ донесеніямъ, съ тѣхъ поръ все ухудшалось и заносчивость мусульманъ возростала, парализуя всѣ дипломатическіе шаги; канцлеръ познакомилъ меня съ содержаніемъ послѣднихъ донесеній, полученныхъ имъ изъ Константинополя, въ которыхъ положеніе на мѣстѣ рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

¹⁾ Салисбюри, Робертъ-Артуръ-Тальботъ-Гасконъ-Сесиль, съ 1868 г. третій маркизъ С., род. въ 1830 г., учился въ Итонѣ и Оксфордѣ, объѣздивъ американскія и австралійскія англійскія колоніи. Въ 1876 г. онъ былъ посланъ англійскимъ уполномоченнымъ на конференцію въ Константинополь и своимъ противодѣйствіемъ русскимъ требованіямъ помѣшалъ успѣху переговоровъ. Въ апрѣлѣ 1878 г. онъ занялъ постъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ, въ томъ же году онъ вмѣстѣ съ Виконсильдомъ представлялъ Англію на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ искусно противодѣйствовалъ Россіи. Ц. В.

вами, князь Бисмаркъ заявилъ мнѣ, что онъ, какъ и всякій благомыслящій нѣмецъ, горячо желаетъ, чтобы между двумя сосѣдними державами, которыя могутъ причинить другъ другу безконечно много зла, безъ малѣйшей выгоды для той и другой стороны, существовала непоколебимая дружба; онъ вдался по этому поводу въ разсужденія, которыя будутъ мною лично переданы вашему сіятельству ¹⁾).

„По словамъ канцлера, только поляки въ Россіи и ультрамонтане въ Германіи стараются подчеркивать разногласіе во мнѣніяхъ, которое можетъ возникнуть временно, воображая, что столкновеніе между нами могло бы послужить имъ на пользу.

„Я замѣтилъ на это князю Бисмарку, что въ случаѣ войны съ Турціей было бы желательно, чтобы онъ высказалъ намъ письменно тѣ объясненія и тѣ въ высшей степени успокоительныя обѣщанія, которыя я только-что отъ него выслушалъ. Онъ не колеблясь тотчасъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ охотно сдѣлаетъ это, ежели изъ Петербурга ему будетъ выражено желаніе получить эти объясненія въ видѣ депеши на имя генерала Швейница ²⁾, для сообщенія ея вашему сіятельству; но присовокупилъ, что Германія не можетъ связать себя дальнѣйшими обѣщаніями до тѣхъ поръ, пока мы оставляемъ за собою право принять сторону Германіи или Франціи, въ случаѣ столкновенія между этими державами...

¹⁾ Князь Бисмаркъ доказывалъ, что увеличеніе числа поляковъ и евреевъ не принесло бы никакой пользы Германіи, которая ихъ имѣетъ безъ того слишкомъ много, и слѣдовательно никто не помышляетъ о присоединеніи Польши, „хотя Висла, со стратегической точки зрѣнія, была бы не дурной границей на Востокъ“; затѣмъ онъ высказался рѣшительно по вопросу о Прибалтійскихъ губерніяхъ и утверждалъ, что нѣмецкое меньшинство населенія этихъ губерній слишкомъ малочисленно и слишкомъ дорожитъ своими старинными привилегіями, а мѣстность сама по себѣ слишкомъ бѣдна, чтобы ея аннексія могла быть выгодна для Германіи и вознаградила бы за тѣ жертвы, которыя послѣдней пришлось бы принести, порвавъ дружбу съ Россіей и завоевавъ Прибалтійскія губерніи. „Германія не можетъ сдѣлать никакихъ завоеваній ни со стороны Франціи, ни съ противоположной стороны, т. е. со стороны Россіи, изъ-за которыхъ стоило бы вести войну“, сказалъ канцлеръ; такъ какъ ни въ одной изъ этихъ странъ нѣтъ на нашей границѣ такой провинціи, какъ Богемія, которая была бы такъ богата, такъ густо населена и имѣла бы такія неистощимыя естественныя богатства“. *Авт.*

²⁾ Швейницъ - прусскій дипломатъ и генералъ, состоялъ съ 1876 по 1893 годъ посломъ въ Петербургъ, игралъ большую роль на ряду съ Андраши и Горчаковымъ, въ событіяхъ 1876—1878 гг., былъ однимъ изъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ у императора Вильгельма. *П. В.*

И задалъ по этому поводу германскому канцлеру вопросъ относительно его агрессивныхъ намѣреній противъ Франціи, которая въ данный моментъ совершенно безвредна. Онъ отрицалъ со своей стороны всякое желаніе вызвать конфликтъ, не представлявшій, по его увѣренію, никакой *выгоды* для Германіи, такъ какъ у Франціи нѣтъ Богеміи, которую можно было бы у нея отнять; ея колоніи также не представляютъ особыхъ выгодъ, завладѣть же Голландіей было бы не безопасно; но онъ увѣрялъ, что Франція мечтаетъ о реваншѣ, чтобы взять обратно Эльзасъ и Лотарингію и что она готовится къ этому дѣятельнѣе и основательнѣе, нежели думаютъ и нежели *онъ самъ думалъ раньше*; онъ передалъ мнѣ вкратцѣ содержаніе донесеній его агентовъ по этому поводу и утверждалъ, что Франція, сосредоточивъ свою кавалерію въ пограничныхъ съ Германіей департаментахъ и усиливъ въ этой мѣстности составъ войска въ мирное время, можетъ въ случаѣ войны помѣшать мобилизаціи ближайшихъ пяти армейскихъ корпусовъ.

„Я позволилъ себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе относительно возможности агрессивныхъ дѣйствій со стороны Франціи, которыя разумѣется еще менѣе могли бы увѣнчаться успѣхомъ, нежели въ 1870 г., когда ей принадлежали Мецъ и Страсбургъ.

„Подъ конецъ нашей продолжительной бесѣды, желая побудить князя Бисмарка оказать намъ при переговорахъ болѣе энергичную поддержку, я замѣтилъ, что только поддержавъ энергично протоколъ, выработанный Россіей, онъ зажметъ ротъ всѣмъ, кто обвиняетъ его въ томъ, что, толкая насъ въ войну съ Турціей, онъ хочетъ вызвать европейскій конфликтъ“.

Изъ дружескихъ сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ Бюловымъ, — человекомъ чрезвычайно осторожнымъ и сдержаннымъ, и изъ разговоровъ моихъ съ нѣмецкими посланниками, съ которыми я видѣлся въ разныхъ столицахъ Европы, я заключилъ, что послѣдній аргументъ произвелъ впечатлѣніе на канцлера и что имъ были даны соотвѣтственно этому извѣстныя инструкціи.

Англіей была высказана въ это время мысль о необходимости дать Портѣ срокъ для осуществленія *собственными силами* реформъ, на коихъ настаивали державы, но я предостерегалъ германскаго канцлера противъ этой комбинаціи. Я напомнилъ ему недавнія событія, которыя подорвали всякую вѣру въ турецкія обѣщанія, „формулированныя въ настоящее время, подъ давленіемъ нашей арміи, сосредоточенной на границѣ Турціи. Эти обязательства, говорилъ я, не будучи подкрѣплены реальными гарантіями, будутъ немедленно взяты обратно, какъ только

Россия разоружится; мнѣ представляется невозможнымъ. съ какой бы то ни было точки зрѣнія и въ особенности съ точки зрѣнія *Rossii*, предоставить христіанъ на годъ или хотя бы на мѣсяць всецѣло во власть турокъ, для производства надъ ними эксперимента турецкихъ реформъ. всѣ ужасы которыхъ намъ хорошо извѣстны, хотя бы мы и потребовали впоследствии у Порты отчета въ злоупотребленіяхъ, которыя мы предвидѣли ранѣе. Наконецъ для Россіи существуетъ еще одно весьма затруднительное обстоятельство: ея мобилизованная армія не можетъ долго остаться въ бездѣйствіи и не можетъ быть распущена. если нами не будетъ достигнуто никакого существеннаго результата.

Это положеніе. созданное нашимъ желаніемъ сохранить миръ и рѣшеніемъ дѣйствовать въ согласіи съ прочими державами, налагаетъ на нихъ обязанность поддержать насъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Канцлеръ замѣтилъ на это, что нельзя рассчитывать на матеріальное содѣйствіе державъ, въ особенности невозможно получить согласіе Англіи на фактическое вмѣшательство державъ, на ихъ дѣйствіе вооруженной силой. Я возразилъ, что давленіе можетъ быть произведено нѣкоторыми державами отъ имени Европы. по данному ею полномочію, но присовокупилъ, что „мы не добиваемся монополіи на экзекуцію въ Турціи“; „предвидя матеріальныя трудности, связанныя съ немедленнымъ выступленіемъ, императорскій кабинетъ согласился бы ограничиться въ данный моментъ протоколомъ или инымъ аналогичнымъ актомъ, который. будучи подписанъ державами, явился бы доказательствомъ ихъ соглашенія, настаивалъ бы на выработанной ими программѣ реформъ и удостовѣрилъ бы неоднократныя обѣщанія, данныя оттоманскимъ правительствомъ, за исполненіемъ которыхъ Европа предоставила себѣ право наблюдать.

„Послѣ этого предисловія, я показалъ канцлеру, какъ бы для простого его освѣдомленія, данный мнѣ вами проектъ протокола (съ незначительными поправками, сдѣланными мною при чтеніи его въ вагонѣ). и по просьбѣ князя Бисмарка оставилъ ему копію съ него, обсудивъ его предварительно по пунктамъ и замѣтивъ канцлеру, что выраженіе: „дѣйствіе державъ“ (противъ котораго онъ возражалъ). въ послѣднемъ абзацѣ, отнюдь не означаетъ немедленнаго вмѣшательства, такъ какъ императорскій кабинетъ согласенъ ограничиться въ данное время подписаніемъ державами протокола“.

Текстъ протокола былъ переданъ мною кн. Бисмарку не въ

качествѣ предложенія со стороны императорскаго кабинета, а только для его освѣдомленія, дабы этимъ облегчить и упростить обмѣнъ мнѣній и добиться благопріятнаго отвѣта со стороны заинтересованныхъ кабинетовъ. Незначительныя поправки, чисто редакціоннаго характера, сдѣланныя въ текстѣ князя Горчакова, имѣли цѣлю лишь нѣсколько усилить его редакцію въ желательномъ для насъ смыслѣ.

Признавая точку зрѣнія, на которую мы стали, вполнѣ умѣренной, князь Бисмаркъ просилъ меня оставить ему этотъ документъ, который онъ хотѣлъ представить на благовоззрѣніе императору Вильгельму, предварительно обдумавъ его содержаніе. Я исполнилъ просьбу германскаго канцлера, обсудивъ предварительно виѣстѣ съ нимъ проектъ протокола по пунктамъ и давъ ему всѣ желательныя разъясненія. Князь Бисмаркъ находилъ, что коль скоро Россія довольствуется этимъ исходомъ, протоколъ, по его мнѣнію, будетъ приемлемъ для всѣхъ.

Мы неоднократно бесѣдовали на эту тему. Князь Бисмаркъ и его семья осыпали меня и графиню любезностями и три дня подъ рядъ приглашали насъ къ обѣду запросто.

Я видѣлся не разъ съ вторымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ Бюловымъ и съ моимъ старымъ знакомымъ, Радовицемъ, на котораго канцлеромъ спеціально было возложено веденіе дѣлъ Востока. Они оба присоединились къ высказаннымъ мною взглядамъ, открыто признали ихъ чрезвычайную умѣренность и сообщили мнѣ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на германскаго канцлера мною лично. Нѣсколько дней спустя, нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ, князь Гогенлоу¹⁾, подтвердилъ мнѣ то же самое, увѣряя, что, судя по извѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ Берлина, канцлеръ „въ восторгѣ отъ меня, говоритъ, что я знаю, чего хочу, имѣю извѣстныя убѣжденія и ясно высказываю свои мысли“.

На аудіенціи, данной мнѣ императоромъ Вильгельмомъ послѣ совѣщанія съ канцлеромъ, я изложилъ вполнѣ ясно поло-

¹⁾ Гогенлоу, Хлодвигъ Карлъ-Викторъ, князь Г.-Шиллингсфюрстъ, принцъ ратиборскій и корвейскій. Родился въ 1819 г.; изучивъ право, вступилъ въ прусскую государственную службу; въ 1846 г. занялъ мѣсто въ баварскомъ рейхстагѣ, въ которомъ постоянно ратовалъ за реформу союзной конституціи. Послѣ войны 1865 г. Г., назначенный баварск. министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ и королевскаго двора, поставилъ главной цѣлю своей политики объединеніе Германіи. По провозглашеніи имперіи Г. былъ первымъ вице-президентомъ рейхстага; въ 1874 г. онъ занялъ трудный постъ германскаго посла въ Парижѣ.

женіе, въ которое императорскій кабинетъ былъ поставленъ на Востокъ тройственнымъ согласіемъ и соглашеніемъ шести державъ, и старался доказать настоятельную необходимость личнымъ образомъ закончить эти переговоры, при чемъ я особенно настаивалъ на томъ, что затруднительное положеніе, въ которомъ находился въ данное время Императоръ Александръ, создано единственно благодаря его всегдашнему желанію поддержать общій миръ, избѣгнуть войны, которую намъ видимо хотѣли навязать, и согласовать дѣйствія Россіи на Востокъ съ дѣйствіями прочихъ державъ, несмотря на то, что ихъ интересы, въ особенности интересы Австро-Венгрии, совершенно расходились съ нашими, и что они были предубѣждены противъ насъ и противъ славянъ.

Логическимъ послѣдствіемъ закрытія конференціи должно было явиться немедленное выступленіе всѣхъ державъ съ цѣлью заставить Порту уважать ихъ общее, принятое ими совмѣстно рѣшеніе. „Мы бы предпочли совмѣстное выступленіе, но желанія наши настолько умѣренны, что мы согласились бы, на худой конецъ, удовольствоваться подписаніемъ протокола, въ духѣ того проекта, который находился въ рукахъ князя Бисмарка, *если бы кабинеты предложили это намъ въ отвѣтъ на циркулярную ноту князя Горчакова*“.

Указавъ на умѣренный тонъ проекта, который являлся только палліативомъ, я высказалъ надежду, что если *соглашеніе кабинетовъ* не можетъ привести къ болѣе цѣлесообразному и благопріятному результату для христіанъ, то Германія поможетъ намъ по крайней мѣрѣ склонить державы къ принятію этого проекта. Я предостерегалъ Его Величество противъ англійскаго плана дать туркамъ годъ для проведенія реформъ и говорилъ, что ни Европа, ни Императоръ, въ особенности, не могутъ оставить христіанъ на такой долгій срокъ, въ видѣ опыта во власть нашей.

Полагая два мѣсяца срокомъ вполне достаточнымъ для проведенія мѣстныхъ реформъ, Россія согласилась бы скорѣе не назначать для этого никакого опредѣленнаго срока, такъ какъ это дало бы по крайней мѣрѣ каждому кабинету известную свободу въ оцѣнкѣ реформъ, за осуществленіемъ которыхъ онъ долженъ наблюдать и держало бы оттоманскихъ властей на чеку.

Императоръ Вильгельмъ, несмотря на предубѣжденіе, которое видимо старались внушить ему со всѣхъ сторонъ противъ моей личности, обошелся со мной въ высшей степени благоклонно; выслушавъ меня, онъ сказалъ, что онъ вполне даетъ

себѣ отчетъ въ трудномъ положеніи, въ которое Россія поставлена настоящими событіями и ходомъ переговоровъ. что онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ возраженій противъ протокола и желалъ бы склонить къ принятію его Лондонскій кабинетъ, который одинъ только и можетъ быть противъ этого коллективнаго акта.

Когда рѣчь зашла, во время этого разговора, о возможности войны между Россіей и Турціей, я высказалъ нѣкоторое сомнѣніе въ искренности намѣреній Австро-Венгрии и указалъ на то, что стремленія мадьяръ могли, въ послѣдній моментъ, заставить Вѣнскій кабинетъ уклониться отъ истиннаго пути, на это императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ гарантируетъ намъ, во всякомъ случаѣ, благожелательный нейтралитетъ Германіи и не преминетъ „слѣдить за тѣмъ, какъ будетъ держать себя Австро-Венгрія, чтобы она осталась вѣрна соглашенію трехъ императоровъ, связанныхъ честнымъ словомъ“.

Когда я посѣтилъ на слѣдующій день канцлера, онъ прочиталъ мнѣ записку, написанную императоромъ Вильгельмомъ тотчасъ послѣ аудіенціи, въ которой онъ выражалъ свое полнѣйшее одобреніе по поводу данныхъ мною объясненій. Въ виду этого князь Бисмаркъ заявилъ мнѣ, что германское правительство принимаетъ нашъ проектъ, что оно подпишетъ его безъ малѣйшаго измѣненія, обязуется энергично поддержать его передъ прочими кабинетами и передъ Портой и во всякомъ случаѣ окажетъ намъ свою поддержку, только „не батальонами, которыхъ у васъ болѣе чѣмъ достаточно“, замѣтилъ канцлеръ, присовокупивъ, что имъ будутъ даны въ этомъ смыслѣ инструкціи германскимъ посланникамъ при разныхъ дворахъ, дабы заставить Лондонскій кабинетъ присоединиться къ нашему взгляду; онъ прибавилъ съ видимымъ удовольствіемъ, что между нашимъ и его образомъ мыслей относительно Турціи и окончательнаго рѣшенія восточнаго кризиса не существуетъ никакого разногласія и что по его мнѣнію дѣйствительно необходимо подписать протоколъ, чтобы завершить достойныхъ образомъ дипломатическую кампанію, которая иначе могла закончиться довольно жалко.

Ссылаясь на послѣднія донесенія, полученныя имъ изъ Константинополя, рисовавшія полнѣйшее разстройство турецкаго правительства, князь Бисмаркъ вернулся еще разъ къ высказанной имъ мысли о желательности послать въ Константинополь тайнаго агента, который при помощи денежныхъ суммъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе, легко могъ бы, по его

миѣнію, заставить турокъ сдѣлать намъ всѣ уступки, даже территоріальныя, гораздо легче, нежели мы могли добиться чего-либо путемъ европейскаго вмѣшательства. Это вполнѣ согласовалось съ моимъ миѣніемъ, такъ какъ я былъ всегда того же взгляда и всегда совѣтовалъ князю Горчакову не жертвовать призраку европейскаго согласія и совмѣстныхъ дѣйствій выгодами непосредственнаго и практическаго соглашенія съ султаномъ и Портою.

На мое замѣчаніе, что Европа и въ особенности Австро-Венгрія и Англія едва-ли признаютъ соглашеніе, заключенное помимо ихъ, въ особенности тотчасъ по закрытіи конференціи, германскій канцлеръ утверждалъ напротивъ того, что въ виду трудности настоящаго положенія и опасности европейскаго конфликта, всякій положительный результатъ, достигнутый непосредственнымъ соглашеніемъ Россіи съ Турціей, будетъ съ радостью принятъ всѣми кабинетами, не исключая Вѣнскаго и Лондонскаго. Онъ полагалъ, что, стремясь только къ достиженію общаго согласія, мы будемъ вынуждены силою обстоятельствъ, вопреки желанію Императора, начать войну съ Турціей. Желая со своей стороны упрочить вѣчную дружбу между Германіей и Россіей, канцлеръ обѣщалъ, что въ случаѣ войны Германія гарантируетъ намъ со стороны Австро-Венгріи выполненіе всѣхъ данныхъ ею обязательствъ и во всякомъ случаѣ обезпечить ея доброжелательный нейтралитетъ. Помимо того Германія не допуститъ образованія никакой коалиціи противъ насъ и предоставитъ намъ всѣ дипломатическія, военныя и финансовыя льготы, какія мы пожелаемъ. Въ концѣ концовъ князь Бисмаркъ сказалъ, что если намъ не удастся этотъ разъ склонить кабинеты подписать протоколъ, то за нами придется, по всей справедливости, признать право дѣйствовать впредь противъ Турціи однимъ и считать себя совершенно свободными отъ соглашенія съ кабинетами, которые не хотятъ и пальцемъ шевельнуть.

Большаго нельзя было и требовать, и князь Бисмаркъ могъ сказать себѣ, что онъ предоставлялъ намъ всѣ возможныя льготы для начала нашей войны съ Турціей. Слѣдовало только продолжить въ Петербургѣ разговоръ, такъ хорошо начатый въ Берлинѣ, и въ письменныхъ сообщеніяхъ, коими обмѣнивались кабинеты, называть вещи ихъ собственными именами, какъ я этого и хотѣлъ. Но осуществленію этой программы помѣшало одно обстоятельство, лично касавшееся князя Горчакова и которое усугубило холодность, чтобы не сказать соперничество,

существовавшее уже въ то время между обоими канцлерами, къ ущербу русскихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ, во время своихъ послѣобѣденныхъ бесѣдъ со мною, въ кругу своей семьи, давалъ мнѣ ясно почувствовать свое неудовольствіе всякій разъ, какъ разговоръ заходилъ о князѣ Горчаковѣ, и выражалъ свое озлобленіе противъ него при воспоминаніи о его циркулярной нотѣ, переданной по телеграфу въ 1875 году, послѣ свиданія въ Берлинѣ. „Онъ хотѣлъ изобразить меня тогда какимъ то чудовищемъ, хотѣвшимъ сожрать Францію и вызвать раздоръ въ Европѣ, а себя выставлялъ ангеломъ миротворцемъ, удержавшимъ мою руку и обезпечившимъ Европѣ миръ. Между тѣмъ онъ только благодаря своему чисто женскому тщеславію и самодовольству могъ вообразить, что таково было положеніе въ тотъ моментъ, когда Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Берлинъ. Онъ хотѣлъ убѣдить самого себя и всѣхъ другихъ въ томъ, что онъ игралъ главную роль и унижалъ меня; на самомъ дѣлѣ, не было ничего подобнаго, и я никогда не прощу ему того, что онъ хотѣлъ одурачить меня. Онъ заплатитъ мнѣ за это; придетъ день, когда мы сведемъ этотъ маленькій личный счетъ“.

Зная издавна слабость князя Горчакова, который хотѣлъ убѣдить окружающихъ, что Бисмаркъ былъ глубоко преданъ ему и что онъ можетъ во всякое время рассчитывать на него, я былъ пораженъ словами князя Бисмарка, не предвѣщавшими ничего хорошаго для Россіи при данныхъ обстоятельствахъ. Не желая, чтобы интересы страны страдали изъ-за ошибочнаго расчета императорскаго кабинета въ моментъ столь важный для Россіи, я счелъ долгомъ осторожно предупредить князя Горчакова во время одного интимнаго разговора, что князь Бисмаркъ какъ будто еще злобствовалъ на него за телеграмму, посланную изъ Берлина въ 1875 г. и обошедшую всю Европу; я далъ понять ему, что слѣдовало бы загладить это впечатлѣніе и умягчить германскаго канцлера, который могъ еще понадобиться намъ въ моментъ кризиса, и такимъ образомъ обезпечить себѣ его доброжелательную и дружескую поддержку. Но тщеславіе и слѣпое самодовольство одержали въ умѣ князя Горчакова верхъ надъ благоразуміемъ, осторожностью и патриотизмомъ; онъ прервалъ меня, сказавъ довольно высокомерно, что я совершенно ошибаюсь на счетъ настроенія князя Бисмарка, который все еще старается угодить тому, кого „онъ во всеуслышаніе называетъ своимъ учителемъ“.

Чего не хочешь слышать, того не слышишь. Далекій отъ

всякихъ интригъ, я только хотѣлъ предостеречь канцлера, не говоря объ этомъ Императору; мнѣ было противно дѣйствовать по примѣру князя Горчакова, не пропускавшаго случая, чтобы повредить мнѣ, напрасно считая меня кандидатомъ на свой постъ въ умѣ Императора и даже во мнѣніи государственныхъ людей всѣхъ странъ.

Миссія, которую я долженъ былъ выполнить въ Берлинѣ, вполнѣ удалась; вопросъ о протоколѣ обсуждался и былъ близокъ къ благополучному разрѣшенію. Придирка Англіи помѣшала его успѣху и заставила меня сократить свою повѣдку по Европѣ и отказаться подписать протоколъ, совершенно обезображенный въ Лондонѣ ¹⁾ и который, какъ я тотчасъ подумалъ, роковымъ образомъ долженъ былъ привести къ войнѣ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Двумя противорѣчивыми деклараціями, слѣданными Россіей и Англіей. **Аст.**